

РЫЦАРЬ ПЕРА

О липецком фронтовике Анатолии Борисовиче Баюканском — легенде журналистики, писателе, авторе более тридцати книг романов, повестей, пяти пьес, почётном гражданине региона

Десятилетие литературно-художественного журнала «Петровский мост», входящего в медиа-холдинг областных печатных СМИ Издательский дом «Липецкая газета», отмечали в столичном доме Ростовых, располагающемся, как известно, по соседству с Центральным домом литераторов — святая святых для каждого творческого человека, принадлежащего к данной славной когорте.

В Москву приехали с необласканными, к сожалению, вниманием писателями, поэтами, прозаиками из провинции. Мероприятие прошло на одном дыхании.

Сидели, подводили итоги в местной уютной кафешке. В середине вечера слово для приветствия взял поседельй член клуба московских мастеров слова. С бокалом красного вина в руке держал настоящую речь.

— Накануне Великой Отечественной войны, — интригуяще обратился к собравшимся, — в кабинете председателя могучего тогда Союза писателей имелся прямой телефон с Верховным главнокомандующим державы. И в роковой час зазвонил. На другом конце провода был сам Иосиф Виссарионович.

— В ваших рядах, — задал прямой вопрос главному литератору страны, — есть творцы, способные на страницах срочно создающихся фронтовых газет

поднимать дух воюющим с врагом бойцам Красной армии?

— Имеются! — не колеблясь, ответил напрягшийся руководитель писательской организации.

— Не лукавите? — продолжал диалог озабоченный вождь. — Не поторопились с ответом?..

— Никак нет, товарищ Сталин! — уверенно, по-военному, докладывали главе государства.

Так на театрах военных действий пополнились ряды одарённых военкоров, публицистов и редакторов. Сам будущий генералиссимус призвал их под ружьё на передовые рубежи Отчизны. Можно сказать, повёл в бой!

Громкий, хорошо поставленный голос пожилого тостующего слегка задрожал и призывал пропустить по маленькой.

Находясь под впечатлением от услышанного, невольно подумал о липецком фронтовике Анатолии Борисовиче Баюканском — легенде журналистики, писателе, авторе более тридцати книг романов, повестей, пяти пьес, почётном гражданине региона.

Его заметки в гарнизонных газетах также опалены огнём пожарниц кровопролитной битвы с гитлеровцами.

Всякий раз, когда навещаем словоохотливого ветерана, он первым делом приглашает к столу с обилием вкусной еды и разнокалиберными бутылками отечественного и зарубежного спиртного. И хотя пить сегодня некому, бывший пулемётчик неумолим: «Пусть стоят, а вдруг фронтовые "сто грамм" потребуются...»

В год 75-летия Великой Победы вновь встретились с именитым корифеем прессы.

А на груди его широкой...

— Анатолий Борисович, и Вы из неотлагательного набора ратных литераторов?

— Не совсем. Родился в Москве. Прожил в ней всего лишь девять месяцев. После развода родителей переехал с мамой Елизаветой Кирилловной в Ленинград. Окончил школу, ремесленное училище. И в ноябре 1941-го призвали на фронт.

Редакция газеты «На страже Родины». Бухта Де-Кастри 1947 г.

Будучи стрелком пулемётного расчёта, героически оборонял родной осажденный город на Неве. Затем принимал участие в освобождении Белоруссии, Прибалтики. Получил страшные известия о гибели в блокаде дорогой матушки и двенадцати членов семьи.

К ставшей делом всей жизни профессии прикоснулся позже. Кстати, благодаря трагикомическому случаю.

— Забавно. И о чём, интересно, речь?

— К тому времени служил в отдельном противотанковом дивизионе укрепрайона, негласно называвшегося «Прощай, Родина!». На солдатской груди поблёскивала боевая награда. Фронтовые друзья шутили: «На «витрине» его широкой «полтинник» болтается одиноко».

— Обижались?

— В подразделении пользовался иной славой — каламбурил, сочинял вирши. Многие однополчане были слышаны о моих стихотворных чудачествах.

Разжалован за... стихоплётство

— Юмор, поэтический дар не только воевать, позже строить и жить помогали.

— Если бы не конфуз. Как-то приехал сам командующий — маршал Баграмян. Перед ним предстояло на строевом смотре пройти чётко, естественно, с песней:

«Шестьдесят седьмая, гвардейская, родная!

Краснознамённая на бой идёт.

Вперёд на Запад! Гордо реет знамя,

Великий Сталин к победе нас ведёт!»

По этому поводу острил в казарме: «Шестьдесят седьмая, болотная, штрафная!

Глотнув спиртяги, смело в бой идёт...» (ранее дивизия и впрямь являлась штрафной. — Прим. авт.)

Других изменений в строевой марш не вносил.

К удивлению, ребятам понравился эксперимент, они его запомнили. И, надо же, чеканя шаг мимо командира, замполита и действительно уважаемого в войсках маршала «Вано», во всю глотку рванули про... «спиртягу».

— Отцы-командиры побагровели?

— Первым не своим голосом заорал взбесившийся Баграмян: «В штрафную всех! В болота!» Но через мгновение остыл и гневно добавил: «Отыскать акына (поэта-«импровизатора»), наказать примерно. А личный состав... бегом пять раз вокруг столовой и в расположение части, без ужина!..»

— И стихоплётга, разумеется, нашли быстро?

— Сорвали сержантские погоны. Под конвоем препроводили в... погреб одного из заброшенных латышских домов. Трое суток отсидел в темени и сырости «гауптвахты».

Набить морду... корреспонденту

— А как же журналистика? Когда познакомились с газетным делом?

— В народе говорят, если судьба повернулась задом, не только петух, курица не занесётся.

После другого, как потом выяснится, «досадного недоразумения» меня разделал под орех лейтенант

(метр с кепкой, щелчком зашибёшь) из армейской газеты «Вперёд, за Родину!».

— Ну и ну! И такое на фронте случалось?

— Было дело. Правда, негативная статья имела и обратный эффект. После нее последовало кропотливое разбирательство с привлечением даже военной контрразведки. Доказали полностью мою невиновность.

— Лихой же гвардеец, как пить дать, вознамерился поквитаться с автором нашумевшей публикации?

— Набить морду? Да попадись писарчук под горячую руку, убил бы. Позже поразмыслив, пришёл к удивительному выводу: «Молоденький корреспондент не исключал, что его странный опус могу и не прочесть: получу пулю в лоб или по чьей-то милости отправлюсь в лагерь — обычная канитель».

— Потому и не жалел красок, раздувая из мухи слона?

— Кто знает. Для себя тогда решил: гнуснее профессии газетчика нет.

И вновь «На страже Родины»

— Однако, как вы любите повторять: человек предполагает, а Бог располагает.

— Верно. Жизнь всё расставила по местам. Вскоре отцы-командиры нежданно-негаданно предложили «блатную» работёнку в... редакции фронтовой газеты «На страже Родины».

— Вызов её Величества судьбы?

— Пребывал в шоке. Отбояривался как мог. Мол, не моё это — набирать из специальных букв вначале строчки, потом колонки, из которых составлялись тогдашние газетные полосы. Нуднейшее занятие. Душа противилась.

Порой набор рассыпался, и сотни букв, запятых и прочих знаков разлетались по полу. Кляня судьбу, приходилось монотонно их собирать. Кошмар. В необустроенном помещении грязища.

— А где печатали газету?

— Электричество давали только четыре часа в сутки. За это время не всегда удавалось сделать оттиски. И тогда колесо допотопной печатной машины- «американки» крутили вручную, прибегая иной раз к помощи арестантов гауптвахты. А за фанерной перегородкой трудились два корреспондента в звании капитана и старшего лейтенанта. Замечательный человек и большой профессионал редактор был майором.

Кстати, спустя годы умница Вячеслав Фёдорович станет профессором, заведующим кафедрой журналистики Высшей партийной школы в Москве.

— С его лёгкой руки прикоснулись к «писанине»?
— Да. Поскольку Божьим даром безумные солдаты в большинстве своём слыли тогда недоучками, капитан Арбагов в редакции не уставал повторять: «Учиться, учиться и учиться! Читать, читать, читать!» Но не подсказывал, что именно читать и где брать книги.

— Анатолий Борисович, как искали фактуру для материалов?

— Модный в ту пору поэт, писатель и журналист Константин Симонов учил: «Жив ты или помер, готовь материал в номер!» Герои репортажей находились рядом. И ещё какие! Выезжали на передовую. Находили фронтовиков — вся грудь в орденах. Или израненных, не боявшихся ни черта, ни Бога командиров, солдат, моряков, отважных медицинских сестричек и творящих чудеса исцеления военных врачей. Да мало ли было тех, кто, не щадя жизни, воевал с ненавистным врагом, лупил по нему из всех орудий, громил сапёрной лопатой, острым штык-ножом, знал, под какое ребро садануть. Очерками о таких сослуживцах зачитывались в войсках. Вырезки из газет бойцы посылали родным.

— А была-ли тогда цензура?

— Ещё какая жестокая. Иной раз тот же отчёт о боевых стрельбах сочинялся, не отходя от стола, под пристальным контролем начальника политотдела Лопаткина — всегда нервного, с жёлтыми больными глазами. Под самый конец войны в составе маршевых батальонов

С коллегами-журналистами обсуждение нового материала. Сахалин 1950 г.

несокрушимой и легендарной загремел на Дальний Восток.

Ищите в тайге... «робинзонов»

— Добивать непокорных самураев...

— С японцами тоже воевали лихо. Поставляли в войска газеты. А потом угодили в заброшенный, забытый командованием каменисто-таежный тысячекилометровый коридор вдоль берега Татарского пролива, в безлюдную местность, именуемую бухтой Де-Кастри.

— Здесь тоже приходилось заниматься журналистикой?

— Не буду описывать свалившееся на наши стриженные головы трудности. Однажды вызывает главред, даёт задание особой категории сложности: отыскать в тайге... «робинзонов».

— Кого-кого?

Услышав потрясающую историю, уверен, до сих пор неизвестную широкому кругу россиян, не мог поверить своим ушам.

Оказывается, за четыре года до начала Великой Отечественной войны «умные» головы в Генштабе придумали у чёрта на куличках создать «глубокоэшелонированную систему обороны». От кого защищаться — другой вопрос. Но тогда для этой цели вдоль побережья заключённые за два года вырубали в скалах каменные норы, в них разместили огневые точки.

— Чудеса, да и только...

— «Берлоги» располагались одна от другой на расстоянии тридцати, а то и сорока километров. В каждую загнали по восемь вооружённых до зубов солдат. И... забыли о них на долгие годы.

— Ничего себе! Хотели как лучше, а получилось...

— Оставили красноармейцев на произвол судьбы. На самых отдалённых «точках» даже о завершившейся войне узнали с большим опозданием.

— И никто никуда не убежал из таёжного ада?

— Расценили бы побег как дезертирство. Прямая дорога в лагерь или сразу в царство покоя.

— Да и куда бежать?.. И так на краю света.

— Помню, вернулся из той тяжелейшей командировки на лыжах ни жив, ни мёртв. Но зато с тремя школьными тетрадами, исписанными вдоль и поперёк мелким почерком.

— Как назвали, необычный репортаж?

— «Солдаты в звериных шкурах». Писал его на одном дыхании. Разумеется, за обнаружение без согласования с политотделом сенсационных подробностей нас с редактором по головке не погладили.

Да и вообще за свою журналистскую стезю от власть предержащих больше получал оплеух, нежели благодарностей.

«Смотри в оба, зри в три!»

— Ещё одна сахалинская газета, в которой вам довелось трудиться, носила громкое название «Сталинское знамя».

— Да, проработав в ней без году неделя, опозорился перед самим... народным комиссаром Молотовым.

— Без нагоняя, как без пряников?..

— Проспал его пламенную речь, которую поручалось записать «с голоса» на волне радиоприёмника. Несмотря на настойчивые наставления: «Смотри в оба, зри в три!» — дрыхнул,

уставший, облокотившись руками о стол. Что тут началось!..

От новых неприятностей спас приказ об увольнении из армии солдат и матросов моего года рождения.

Говори правду, дорожи честью

— И где устроились на «гражданке»?

— В редакцию южно-сахалинской газеты «Молодая гвардия».

Не всё и тут поначалу складывалось гладко. Но гвардейцы ко всему привычные. Нас учили смотреть собеседнику в глаза, говорить правду, какой бы горькой она ни была, дорожить честью.

— Эти принципы не потеряли актуальности и сегодня.

— С большим энтузиазмом писал очерки, интересные, как мне казалось, репортажи, острые разоблачительные статьи.

При этом не переставал учиться ремеслу у талантливых редакторов, коллег, которых на моём журналистском веку становилось всё больше. Порою удивляли не только читателей-сахалинцев. Некоторые публикации охотно перепечатывала даже «Комсомольская правда».

«Были люди в наше время...»

— Анатолий Борисович, сотрудникам газет того периода настойчиво рекомендовали больше писать о человеке труда.

— И мы откликались на призыв. До сих пор в памяти серия публикаций о легендарной бригадирше ставного невода Александре Хан. Её имя звучало на рыбокомбинатах, плавбазах. Когда заведовал отделом рыбной промышленности газеты «Советский Сахалин», она резала правду-матку в глаза тогдашнему наркому пищевой промышленности, члену ЦК ВКП(б) Анастасу Микояну.

— Неужели смелость сошла с рук?

— Конечно же нет. После мероприятия высокий

Очередное редакционное задание. Курильские острова. 1950 г.

гость из Москвы порвал в клочья представление на присвоение Александре Степановне звания Героя Социалистического Труда.

Позднее всё-таки получит высокую награду. Воспользовавшись случаем, подготовлю большой очерк в журнал «Работница». Он выйдет с фотографией народной любимицы на обложке. Данный материал позволит героине открыть дверь... директору Монетного двора, где изготавливают ордена, печатают деньги, когда последний срочно понадобится.

Вернувшись довольной, хозяйка моря позовёт на обед и поблагодарит: «Спасибо тебе, пресса! Ты, оказывается, не всегда брешь, но и помогаешь, когда другие помочь не в силах...»

«Жаль Никитка жизнь испортил...»

— Слышал, вы видели живьём и Хрущёва?

— Он «завернул» на Сахалин из Китая, где его очень холодно принял тогдашний лидер — знаменитый Мао Цзэдун, обиженный, что оклеветал личного друга и учителя Сталина. Даже от встречи отказался, послав для переговоров в аэропорт высшего чиновника.

Оконфуженный Никита Сергеевич буквально рвал и метал. В страшном гневе распорядился снять с работы первого секретаря обкома партии Дмитрия Никоноровича Мельника.

Кстати, через пятнадцать лет, я, старший корреспондент отдела промышленности липецкой областной газеты «Ленинское знамя», совершенно

случайно встречусь с ним на елецком заводе «Гидропривод».

Чуть постаревший авторитетный сахалинец работал в столице, был по-прежнему импозантен и улыбчив. «Жаль, — признался с огорчением, — Никитка жизнь испортил...»

И сам товарищ Мао руку жал...

— Анатолий Борисович, и товарищ Мао — «красное солнышко» китайского народа — Вам тоже руку жал?

— Громко сказано. В одной из творческих командировок на всекитайское торжество повезло занять «козырные» места во Дворце народных представителей. Постарались гостеприимные хозяева — знакомые журналисты кузницы мира. До сих пор не пойму, как оказались в непосредственной близости от вождей КНР.

По окончании мероприятия коллега Тан-Синь, красный как рак от напряжения, что-то сбивчиво шептал переводчику. Дескать, архаровцы славянской внешности, на которых обратили внимание полубоги, — советские журналисты.

— И у вас ёкнули сердца и задрожали колени?

— Ещё бы. В полусне, по команде шагнули к стоявшему, словно каменное изваяние великому Мао. Он неожиданно протянул пухлую руку и стал напутствовать на чистейшем русском: «Честнее пишите о дружбе наших народов. Миром будут править Китай, Советский Союз и Индия, как предрекал товарищ Карл Маркс».

Понятно, что по возвращении на родину коллеги нам не поверили: ваньку-де валяете.

Человек, влюбленный в Сахалин

— А вы, наверное, долго не мыли руку?

— Вообще, работу на Сахалине вспоминаю с большой ностальгией. И не потому, что на краю земли провёл молодые годы, первым встречал восход солнца.

— Там люди другие?

— Трудолюбивые, порядочные, искренние. Для сбора материала неоднократно выходил в море с рыбаками, делал интервью с эками, за тридцать два дня на лыжах обогнул с товарищами остров в честь выборов в Верховный Совет СССР.

— Немыслимо! Это какой же выносливостью надо обладать?!

— Даже в Арктике провёл три месяца. В составе экипажа зверобойной флотилии «Алеут Зайков» принимал участие в промысле. Потом по собранным материалам написал не только серию репортажей, но и роман «Перстень Василаке»... И засобирался на материк.

Прощайте, скалистые сопки...

— Редакция какой газеты открыла двери сахалинскому переселенцу?

— Вначале немножко поработал в «Гудке Молдавии». Затем перебрался на Украину в «Приднепровскую магистраль». И только потом на родину жены — в Липецкую область.

— Она настояла на конечной станции странствий?

— Опять помог случай. На одном из мероприятий в Москве случайно встретил хорошо знакомого сахалинца.

Попрощавшись с крупнейшим островом страны, он в Белокаменной дорос до заведующего сектором печати ЦК КПСС. В приватной беседе обмолвился о вакансии собственного корреспондента в липецкой областной газете «Ленинское знамя» в Ельце.

— Вы шутите? Большой чиновник в Первопрестольной знал, кто требуется в региональную газету?

— Тогда такой был порядок. На выбор предлагали и аналогичную должность во флотском периодическом печатном издании в латвийской Лиенае. Но, крепко подумав, ещё раз посоветовавшись с семьёй, отправился в Центральное Черноземье.

У елецких своя гордость

— Как потом выяснится, не прогадали?

— О, гордый, старше Москвы на год, Елец. Прибыв инкогнито на смотрины, с первых минут наслаждался красотой, уютом старинных улочек, обилием церквей, которые либо использовались под склады, или вообще лежали в руинах. Однако неповторимая бунинская аура, тепло приветствующих тебя людей буквально подсказывали: на этот раз в выборе не ошибся. Размышляя о многом, стал собирать фактуру для... статьи в еще незнакомую газету в Липецке.

— На чужбине? Без документов?..

— А репортёрская смекалка. В библиотеке полистал подшивку местной газеты «Красное знамя». Обратил внимание на хорошо работающий завод «Прожекторные угли» и накатал очерк о его передовиках.

Встретив меня, деятельный, эlegantный и очень интеллигентный главред «Ленинского знамени» Анатолий Александрович Козунов изумился: «Вас не затруднит, — проронил, оторвав глаза от творения моих рук, — присесть за стол и написать заявление о приёме на работу».

— У елецких, как известно, свой нор. Проходные материалы читать не будут.

— Да я их не особо любил писать. Все мы тогда больше гонялись за критической повесткой, неожиданным ракурсом, журналистским расследованием или на крайний случай душещипательной житейской историей.

«Когда цветёт вереск»

— Анатолий Борисович, на пике журналистской популярности вас вдруг потянуло на драматургию.

— Год пятидесятилетия образования СССР оказался очень плодотворным. На сцене Липецкого драмтеатра с аншлагом прошёл спектакль по моему сценарию «Когда цветёт вереск».

Газета «Правда» напечатала об этом прекрасный репортаж. До сих пор храню в семейных архивах фото, подтверждающее, что билеты на эту

Ан. Баюканский с сыном комиссара Вермишева. 1967 г.

Афиша в кассе Липецкого областного драматического театра на спектакль Ан. Баюканского «Когда цветет вереск». 1967 г.

постановку в Липецке в то время можно было приобрести с трудом.

Затем такой же успех имели пьесы «Зажигаю свою звезду», «Её звали Володькой», «Сестра милосердия».

«У меня больное сердце»

— Кстати, интересна судьба последнего творения.

— Я писал об известной в области Ксении Константиновой. Фронтальная медсестра вступила в неравный бой с фашистами. Получила ранение. Попала в плен. Под пытками не выдала военной тайны. Ей посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

И вот в самый разгар творчества вызвали в обком КПСС. Секретарь по идеологии с необычной фамилией Сталь настойчиво предложил отказаться от затеи: отец-де Ксюши — неблагонадёжный.

— До геройства ли тут...

— К счастью, не послушал тогда старшего идеолога. Премьера прошла с огромным успехом. В зал из села Сухая Лубна привезли папу героини в фуфайке и кирзовых сапогах. Увидев на сцене актрису, так похожую на дочь, мужик всплеснул руками. Заплакал. Ему потребовалась срочная медицинская помощь, которую оказали тут же.

— Потрясающе!..

— Зрители охали, дрожали от оваций. Актёров буквально рвало от напряжения, а под занавес, повинувшись некоему порыву, благодарные земляки завалили их цветами.

После театрального действия на сцене отозвал в сторонку споривший со мной секретарь обкома партии и признался: «Ты больше на такие спектакли не зови. У меня больное сердце...»

Сила печатного слова

— Интересно, а почему сегодня на эти пьесы режиссёры даже не смотрят?

— Хороший вопрос. Ведь тогда в этом жанре творил не один.

— Никто не удосуживается восстановить их даже к юбилеям Победы?

— После выхода в свет «Сестры милосердия» в городе Липецке появилась улица Ксении Константиновой. Горжусь тем, что являлся одним из тех, кто добился «воскрешения» комиссара Александра Вермишева, погибшего при защите елецкого вокзала. Посвящённую ему другую пьесу поставили на сценах восьми театров. Добились присвоения имени героя площадям и улицам в городах Липецке и Ельце. Организовали сбор средств на строительство памятника. После трёх лет напряженной переписки, долгих бесед в министерствах культуры, Морского флота имя революционного деятеля, писателя и журналиста получил океанский теплоход. Вот такая была сила печатного слова!

Держать марку!

— Здорово! Есть чему поучиться. Ваши откровения — достойный пример для подражания молодым коллегам.

— Не уверен, что им это сейчас интересно. Иное время на дворе, приоритеты. Да и сама журналистика нынче другая. Больше сиюминутная, чем вдумчивая, аналитичная, заставлявшая сопереживать, находиться на одной волне с читателем, зрителем. Всё время задумываюсь: как о том, о другом, о третьем написал бы я.

— Ведь бывших журналистов, как и представителей иных профессий, не бывает.

— Вспоминаю, после переезда из славного Ельца в горячо любимый Липецк посчастливилось прославлять труд металлургов.

Журналист меняет профессию

— И опять поступили неординарно: ни с того ни с сего положили редактору главной газеты области

заявление с просьбой об увольнении по собственному желанию.

— Решил поддержать почин московских репортёров «Журналист меняет профессию». Главред опешил: «Чем обидели? Зарплата не устраивает? Медленный карьерный рост?» «Была не была» — ему в ответ, — хочу досконально разобраться в... металлургии. Рассказывать, как в огромных цехах НЛМК дрожит от напряжения воздух, стонет бронированная обшивка конвертора, огненные протуберанцы мириадами вырываются из чрева домны...

— Bravo, дорогой ветеран! Респект! Вы и в свои 94 года неизменный романтик. Так искусно подбираете слова.

— ...И после открытия сталевого отверстия в днище громадного ковша яркой оранжевой струёй льётся разогретый металл. Например, в первом кислородно-конвертерном цехе с непрерывной разливкой стали, с открытия которого готовил в своё время репортаж «Новая стальная река».

Всем смертям назло

— Однако именно на Новолипецком металлургическом завершилась Ваша активная журналистская карьера.

Пётр Игнатов — профессиональный журналист. Окончил Елецкий техникум железнодорожного транспорта, факультет журналистики Воронежского государственного университета.

Первую заметку опубликовал в газете Кронштадтского гарнизона «Советский моряк».

После службы на флоте трудился литературным сотрудником редакции долгоруковской районной газеты «Сельские зори». Десять лет был её редактором. Затем работал советником заместителя главы администрации Липецкой области, заместителем начальника управления по делам печати, телерадиовещания и средств массовой коммуникации. С нуля создавал и шесть лет руководил областной телевизионной и радиовещательной компанией «Липецкое время», девять лет — Издательским домом «Липецкая газета».

Председатель Союза журналистов Липецкой области. Дважды лауреат премии им. А. Вермишева на лучшую журналистскую работу в региональных СМИ. Лауреат премии Правительства РФ в области СМИ.

— Всерьёз задумался над тем, что наскоком писать об уникальном трудовом коллективе несерьёзно. Попробовал подготовить к печати одну, вторую, третью книжки. И незаметно писательский труд захватил ничуть не меньше, чем когда-то родная журналистика. Последней беззаветно и преданно прослужил более пятидесяти (!) лет.

— Поэтому и любите нас?

— Искренне радуюсь, когда приходите навестить старика. Знаю, сегодня вам нелегко. Но марку держать нужно! Будьте крепкими и духом, и телом. Не бойтесь лезть на рожон. Служите нашему делу до последнего вздоха!

Я же, как говорят, «возвращаюсь с ярмарки».

Оглядываясь назад, пытаюсь подвести, к счастью, ещё не окончательную, но уже близкую к финишу черту. Родил и воспитал трёх сыновей, построил два дома, посадил много деревьев. Для полного «ажура» написал не одну книгу. Три из них почти слепым, когда осложнилась катаракта.

— А ведь вашему отцу в 1943 году передали на вас «похоронку»...

— Верно. Он подарил её потом мне. На память о страшной трагедии. А я всем смертям назло выжил. И, видимо, нужен покамест на земле Богу...

С ветераном беседовал Пётр Игнатов

